

Субъективные заметки об объективной ситуации русской интеллигенции

Леонид Гозман

* Леонид Гозман, Леонид Гозман, психолог (факультет психологии МГУ в 1976 году, кандидат психологических наук, МГУ, 1983 год). Родился 13 июля 1950 года. По окончании университета работал на кафедре социальной психологии, специализировался по проблемам эмоциональных отношений (симпатия, дружба, любовь), а также, по психотерапии. Возглавлял Ассоциацию психологов-практиков – первое профессиональное объединение советских психологов. Автор и редактор нескольких книг. Активный участник либеральных преобразований в России. В 1992 и в 1993 годах – советник и.о. Председателя правительства РФ Егора Гайдара. В 1994-1998 годах – советник Главы администрации президента РФ, а впоследствии – Первого вице-премьера правительства РФ Анатолия Чубайса. С 1998 по 2008 год член Правления РАО «ЕЭС России» - крупнейшей российской энергетической монополии, в которой работало более миллиона человек. В результате реформы кампании, проведенной за эти десять лет, в России был создан конкурентный энергетический сектор. С 2008 по 2013 – один из директоров РОСНАНО, контролируемой государством кампании, занятой развитием нанотехнологий в России. В 2013 ушел из РОСНАНО, возглавляет небольшой фонд «Перспектива». Леонид Гозман был одним из создателей и лидеров основанной Егором Гайдаром партии Демократический Выбор России, созданной на ее основе партии Союз Правых Сил, а затем, партии Правое дело. В последние годы – активный участник общественно политических дискуссий и автор многочисленных публикаций в либеральных российских СМИ. Один из соучредителей и член Попечительского совета Фонда Гайдара, созданного после смерти Егора Тимуровича его друзьями и единомышленниками. Лауреат специально учрежденной в 2017 году премии фонда «Либеральная миссия» «За мужество в отстаивании либеральных ценностей». Женат, имеет дочь и двух внуков. Жена и дочь – психологи, внуки учатся в школе.

Привилегированный слой

Приятно принадлежать к чему-то настолько сложному, что его даже невозможно определить словами. Я про русскую интеллигенцию.

Чтобы не тонуть в определениях давайте ориентироваться на интуитивные представления, которых нам почти всегда достаточно. Мы же не нуждаемся в четких дефинициях лошади или стола – мы и без всяких «Лошадь – это...» понимаем, что это такое. Относительно интеллигенции ясно, что необходимым, но недостаточным условием принадлежности к ней является образование. Но дополнять его должна определенная система ценностей, стиль жизни, эстетические предпочтения. При этом, нравственные представления, ответственность за страну и народ, которые всегда декларируются в качестве обязательных, реализуются далеко не всегда. Правда, сама декларация этих представлений меняет самосознание. Так человек, искренне считающий, что он любит театр, может туда никогда почти не ходить, но любовь к театру останется частью его Я. Как и книги – а у интеллигента в доме обязательно должны быть книги – можно и не читать, но книжные полки сами по себе воздействуют на дух квартиры.

В Советском Союзе принадлежало все бюрократии, но привилегированным слоем была не она, а именно интеллигенция. Дело было не в деньгах. Материальное положение выше среднего по стране было далеко не у всех интеллигентов – у «остепененных» преподавателей ВУЗов или сотрудников научных институтов, например, а, допустим, молодые инженеры жили довольно бедно. Но почти у всех была «чистая», «умственная» работа – в стране, где огромная доля граждан были заняты физическим трудом, часто – в ужасных условиях, это было очень важно. Интеллигент не поднимал тяжести, не мерз на стройке, не ходил в грязной спецовке. Это, как и высшее образование, которое лишь в постсоветское время стало социальной нормой, давало ему или ей ощущение избранности, принадлежности к своего рода дворянству. Интересно, что правящая бюрократия тоже считала привилегированным классом именно интеллигенцию – своих детей номенклатура направляла не «по партийной линии», а в академические институты, где после неизбежно успешной для детей чиновников защиты диссертации их ждала вполне комфортная жизнь.

Советские интеллигенты – это касалось даже той их части, которая работала в аппарате власти – идентифицировались с русской дореволюционной интеллигенцией, которую принято было идеализировать и романтизировать, а значит, можно было приписывать себе ее реальные или мифологические положительные характеристики, ощущая свою избранность и осмысленность собственной жизни.

Таким образом, фактически, просто за факт получения диплома о высшем образовании, советский интеллигент получал лучшее, чем у других качество жизни, возможность гордиться собой и, если ему этого хотелось, свысока относиться к большинству народа. Все это отобрала революция конца восьмидесятых – начала девяностых годов.

Жертвы мечты

Бескровный развал коммунистической системы – самое, пожалуй, радостное и оптимистическое событие двадцатого века. Но любое явление, сколь бы вдохновляющим оно ни было, порождает и негативные последствия тоже. И пусть они не сопоставимы по своим масштабам с позитивом, конкретным жертвам этих позитивных преобразований – а они всегда есть, теряющим деньги, статус или смысл, от этого не менее больно.

Интеллигенция оказалась наиболее пострадавшим от гибели коммунизма общественным слоем. Уже первые ростки рыночной экономики обеспечили резкий рост относительного благополучия тех, кто рискнул включиться в новые практики – кооператоров, торговцев, людей, отказавшихся от работы на государство. Этот новый класс рекрутировался из разных сегментов общества, в том числе и из интеллигенции, но вошедшие в него интеллигенты попадали в среду с совершенно другой стилистикой поведения и системой ценностей. Отказ от интеллигентских традиций оказывался необходимым условием успеха.

У интеллигентов же, остававшихся в своих институтах и конструкторских бюро, жизненный уровень падал катастрофически, не только относительный, но и абсолютный. Обесценение рубля, рост цен, задержки выплаты зарплат стремительно превращали не желающую уходить в новую жизнь – как из-за элементарной пассивности, так и из-за преданности своей профессии – часть интеллигенции в новых бедных.

Сформировавшиеся поведенческие паттерны интеллигенции также не способствовали выживанию – дополнительным заработкам, жизни «с огорода», т.е. фактическому освобождению от государственной структуры, к которой ты принадлежал, и которая перестала выполнять свои обязанности по отношению к тебе.

Ощущение поражения усугублялось снижением социального статуса. Старые иерархии перестали действовать, символы интеллигентского успеха, такие, например, как диссертации, больше не работали. Молодежь, если и не бросала ВУЗы, то точно не считала учебу чем-то главным, а своих профессоров – образцом для подражания. Перемены лишили интеллигенцию «дворянского достоинства», которым она так гордилась.

Да и смысл тоже стал растворяться. То, о чем лишь интеллигенция позволяла себе говорить публично, да и то намеками, то, что читалось между строк, улавливалось в фильмах и спектаклях о других странах и временах, и было столь важным для зрителей, стало печататься и обсуждаться открыто, выплеснулось на экраны телевизоров и на площади. Восторг от того, что десятилетиями запретное ты слышишь со сцены, под овации зала, заслонил на время для интеллигенции понимание того, что иносказания, искусство которых она оттачивала из поколения в поколение, стали более не нужны.

Отмена государственной цензуры, доступность запрещенных ранее текстов, песен и фильмов привела к размыванию тех культурных кодов, по которым интеллигенты опознавали друг друга. Для массовых слоев интеллигенции этими кодами были песни Окуджавы или даже совсем просто – портрет Хемингуэя на стене, для более элитарных слоев – весьма ограниченный набор авторов, демонстрация знакомства с которыми выполняла функции сигнала «свой-чужой». Все это перестало работать. Мы больше не узнавали друг друга по эстетическим предпочтениям или, точнее, стали узнавать менее надежно. Условно, мы стали принадлежать к разным деноминациям и не все понимали, что это, все равно, христианство. Замечательное ощущение общности с достойными, высококультурными людьми, столь важное для самооценки многих из нас, стало ослабевать.

Советская интеллигенция, которая чаще в мечтах, но иногда и конкретными действиями – не надо этого недооценивать – приближала крах режима, оказалась жертвой столь ею желаемых перемен.

Гибель цели

Советская интеллигенция могла по-разному оценивать роль Ленина или Петра Первого, оттепель или реформы Александра, но она всегда знала, чего хочет – свободы и демократии. Она давно это знала – «... свобода нас встретит радостно у входа», а дальше все будет хорошо. По крайней мере, как у людей.

К этой прекрасной цели вело просвещение, которое само по себе должно было привести народ в естественное состояние свободы – «...и просвещенный наш народ сберется под святое знамя!». И интеллигенция всегда занималась просвещением. К этой цели – к свободе – могла вести очистительная революция и даже террор. Интеллигенция принимала участие и в революциях, и в терроре. Но свобода не пришла. Возникла неизбежная переоценка ценностей.

Очевидное поражение демократии в современной России, превращение большинства государственных институтов в чисто имитационные, сужение пространства свободы – после надежд девяностых годов, да еще и при поддержке большинства населения – разрушительно подействовало на картину мира интеллигенции – подорвало веру в возможность и желательность свободы, демократии и европейского пути для России и русского народа. Кто-то из интеллигентов стал по традиции искать особый путь, соответствующий имманентно, якобы, присущим русской культуре и русским отличий от Европы. Сам такой поиск, кстати, неизбежно приводит к преувеличению и абсолютизации этих отличий – русские предстают особой цивилизацией, никак не связанной с Римом, Европой и западным христианством. Или, наоборот, единственными наследниками христианства, сохранившегося только в России и фатально деградировавшего в других странах. А кого-то, к таким поискам не склонного, просто охватило ощущение безнадежности. Они стали чувствовать, что мы не просто потеряли тяжелое, но, есть шанс, что временное поражение. Они потеряли ощущение цели, той, которая, во многом была общей и для поколений интеллигентов, и поколений властителей – «Правительство – единственный европеец». Эта цель – демократия – исчезла, перестали быть реальной и даже желанной. Нам стало некуда стремиться. Раньше мы были в своей стране полпредами будущего – свободы – пусть темный до поры народ и не понимал, и не принимал ни этого будущего, ни нас самих. А стали, кто не отказался от своих убеждений, просто неадекватными чужаками, непонятно кем и зачем заброшенными во враждебную нам среду.

Исчезающий класс?

Многие, в том числе и даже, прежде всего, сами представители интеллигенции считают, что она, во-первых, исчезла, во-вторых, больше не нужна. Конечно, подобного рода констатации относительно различных социальных групп в истории случались многократно. От атакующего класса, как назвал пролетариат Маяковский – это определение предполагало доминирующее положение пролетариата на долгие годы вперед. Прогноз не оправдался. Как и, примерно, того же времени представления об окончательном исчезновении русской буржуазии – сегодня она очень непохожа на дореволюционную, но отрицать сам факт ее существования было бы странно.

Русская интеллигенция – это не столько объективные характеристики, сколько самоопределение. Она, собственно, как и нации и конфессии, будет жить до тех пор, пока есть люди, пусть и немногие, которые идентифицируют себя подобным образом. В этом смысле каждый из нас, относящих себя к этому слою, является гарантом и доказательством ее существования. А вот вопрос о ее функциях, ее нужности в современных условиях требует особого обсуждения. Более того, если интеллигенция будет не нужна, если она сама осознает собственную ненужность или поверит в эту ненужность, тогда она и исчезнет. Ибо идентифицирует она себя, прежде всего, через свои функции.

Специфические черты русской интеллигенции возникли, во многом, как реакция на архаическую структуру российского общества. Интеллигенция компенсировала собой отсутствующую свободную прессу, была субъектом общественных дискуссий и даже общественного мнения в условиях, когда в стране не было ни соответствующих институтов, ни даже элементарного желания власти вступать в диалог с людьми. Но означает ли тот факт, что интеллигенция возникла как элемент феодального, фактически, общества, неизбежность ее исчезновения и ненужности при модернизации?

В условиях свободы, пусть даже и весьма относительной, традиционные функции русской интеллигенции выполняют те, кому их и положено выполнять – газеты, радиостанции, клубы, политические партии, а в наших условиях – еще и протестные движения и их лидеры. Теперь к этому списку добавились социальные сети. Народное образование становится большим бизнесом, а не делом подвижников. И так далее.

Однако, я полагаю, что определенная роль русской интеллигенции в условиях свободы, хоть и трансформируется, но не исчезает. Ни газеты, ни политические партии не занимаются всерьез общественной рефлексией, без которой трудно представить себе русскую интеллектуальную жизнь. Да и «литературоцентричность» России тоже вряд ли исчезнет – она не детерминирована лишь тиражами толстых журналов, сохраняется и при множественности источников информации. Конечно, в условиях свободы интеллигенции придется доказывать свою нужность, искать свое место в русской общественной жизни. Но это задача будущего – демократическое развитие России, очевидно, прервано.

Но происходящее сегодня – это и не возрождение СССР, а значит, не может быть и стопроцентного возврата к задачам интеллигенции советского времени (хотя часть из них и стала вновь актуальными, опять порождая столь знакомое нам по прежним временам ощущение нравственной императивности определенных действий). В России сегодня формируется или даже уже сформировалось нечто, отличное и от демократии, и от коммунистической системы. Перед ответственной частью интеллигенции стоят вызовы, отличающиеся как от тех, с которыми она сталкивалась при советской власти, так и от тех, которые возникнут, если страна пойдет, все-таки, по европейскому пути

Сохранение и просвещение

Задачи, стоящие сегодня перед русской интеллигенцией, сводятся к решению двух групп проблем – сохранение себя, собственного слоя и просвещение народа, понимаемое, прежде всего, не как традиционное распространение знаний, но как противостояние лжи.

Канон русского интеллигента предполагал в качестве первичной заботу не о собственном благополучии, а о стране и народе. Как и любой другой канон, например, маскулинности или фемининности, он далеко не всегда выполнялся, но влиял на самосознание. Из уважения к этому канону обратимся сначала к задаче просвещения – к формированию у сограждан картины мира, адекватной реальности.

Правда против лжи

Сегодняшняя российская система стоит на лжи. Постоянная ложь – не просто способ достичь какого-то конкретного результата, например, обмануть избирателя и получить голоса на выборах. Ложь поистине стала национальной идеей.

Власть лжет постоянно и по любому поводу. Это вранье об успехах российской экономики на фоне ее глубочайшего кризиса и стагнации. Это рассказы об авторитете «русского мира», когда, на самом деле каждый год сокращается число людей, говорящих по-русски и изучающих русский язык, а бывшие вассалы переходят с кириллицы на латиницу. Это клятвы в верности Конституции и законам с одновременным нарушением этой самой конституции и принятием законов *ad hoc* или даже, как в случае Навального, *ad hominem*. Это ложь о бандеровцах в Крыму или рассказ о том, как в Нью-Йорке, якобы, отметили день рождения Путина изготовлением «Путин-бургера» весом 1952 грамм в честь года, когда он появился на свет. Это, разумеется, ложь о войнах на Донбассе и в Сирии.

Это не только вербальная ложь, но и поведенческая. Например, это митинги, призванные продемонстрировать солидарность с властями, на которые за небольшую плату стоняют дворников, бюджетников и студентов (последние иногда получают не только деньги, но и зачет). Или это аудитории телевизионных ток-шоу, аплодирующие по команде и тоже, разумеется, за деньги. Или это разгром неугодных выставок или срыв неугодных спектаклей силами наемных бандитов, которые выдаются за возмущенных представителей общественности. Или даже искусственно созданные политические партии, существующие на деньги Кремля, выполняющие все его распоряжения и призванные не дать действовать партиям настоящим, когда и если они, наконец, появятся.

Удивительным образом ложь властей не раздражает граждан. Очевидное противоречие того, что звучит с экранов, повседневному опыту каждого гражданина вызывает не возмущение, а скорее, понимание – а как, мол, иначе? Иногда власть лжет, вовсе и не стремясь к тому, чтобы ей поверили. Например, когда в 2014 году президент Путин говорил, что в Крыму нет наших войск, он как бы подмигивал своим слушателям: «Мы-то с вами все понимаем, это я говорю для них, для западников». Именно так это и воспринималось. Поэтому когда он все-таки признал, что наши солдаты там были и принимали самое активное участие в происходящем, это никого не удивило и не породило вопросов о том, что президент лгал своему народу. Это была, как бы, и не ложь, а игра по понятным всем правилам, когда власть и народ России вместе выступают против Запада. Это же относится и к заявлениям российских властей о том, что «нас там нет» уже по отношению к Донбассу или о том, что боевые действия там ведут, как выразился президент, трактористы и шахтеры. И эта ложь тоже вызывает не осуждение, а одобрение граждан.

Люди и сами участвуют в ритуальных действиях, названия которых не соответствуют их сути. Голосуют, например, на выборах, прекрасно зная, что результат

предопределен, причем, не просто популярностью очевидного победителя, но и масштабными манипуляциями и не допуском к участию реальных оппонентов.

Ложь необходима системе потому, что при отсутствии реальных достижений и при неспособности дать образ будущего – никогда президент не говорил конкретно о том, какой будет Россия через столько-то лет – сплочение народа вокруг власти можно обрести и поддерживать только на базе абсолютно иллюзорной картины мира. Картины мира, в котором эти успехи есть, а неудачи – следствие происков внешних и внутренних врагов. Поэтому ложь естественна. А вот ее эффективность – доказательством эффективности служат, например, результаты выборов, которые не могут быть объяснены только фальсификациями или очевидной нечестностью самого выборного процесса – требует объяснений.

Ложь «работает» потому, что созданная властями картина мира не только удобна для них самих, но и комфортна для населения. Команда Путина, особенно, после аннексии Крыма возвратила гражданам высокую национальную самооценку, дала возможность гордиться своей страной и собой как ее частью.

Желание гордиться различными ипостасями себя, в том числе, и своей гражданской принадлежностью, естественно. И чувство национальной гордости старается поддерживать любое правительство. Проблема лишь в том, что в данном случае оно базируется не на реальных достижениях, а на иллюзиях. Базовыми элементами этой иллюзорной картины мира является представление об имманентной враждебности всего мира, особенно, западного России и, следовательно, о том, что страна окружена врагами, стремящимися ее погубить, а также, о военном и нравственном превосходстве России и ее народа над всей планетой.

Каждый день с экранов телевизоров российским гражданам объясняют, что победа в войне – а это системообразующий момент национального самосознания сегодня – была достигнута Советским Союзом в одиночку, без помощи союзников, которых, на самом деле, и не было. СССР, якобы, воевал не с Гитлером и его союзниками, а со всем объединенным Западом. Каждый день говорят, что англичане всегда были нашими врагами, а США еще по некоему мифическому «плану Даллеса», представляющему собой вариант Протоколов сионских мудрецов, уже десятилетиями работают над разрушением России. Элемент неизменности этого враждебного мира здесь крайне важен. Ведущий российский официальный пропагандист Дмитрий Киселев, сказал, например, что позиция Швеции по Крыму связана с «желанием шведской военщины взять реванш за поражение под Полтавой».

Идея враждебности мира нашей стране родилась не сегодня. Она была системообразующей и в советское время. Вспомним, например, очень популярную тогда, да и сейчас песню «С чего начинается Родина?». Уже в первом куплете, утверждается, что она начинается с того, «что при всех испытаниях у нас никому не отнять». Здесь интересно не только отсутствие конкретизации того, что именно хотят отнять, сколько уверенность, что отнять хотят!

Но никогда, пожалуй, официальной российской, да и советской пропагандой не распространялись столь дикие, как сейчас, представления о Европе и США. В советское время это были, в общем, хорошие страны, управляемые плохими людьми, империалистами, но живущие в них «простые люди» не несли ответственности за своих правителей и были объективными союзниками или, скорее, младшими братьями

советского народа. Сейчас же враждебны нам и нашей уникальной системе ценностей стали и сами народы.

Неожиданно центральным моментом антизападных установок стала гомофобия. Гражданам России всерьез рассказывают, что в Европе дискриминируются люди гетеросексуальной ориентации, что поощряются именно гомосексуальные браки, тогда как браки между мужчинами и женщинами, фактически, запрещаются. Что детям не разрешают называть родителей мамами и папами, требуя, чтобы они называли их родителями номер один и два. И так далее. На все это накладываются, разумеется, вполне традиционные рассказы о бедности и несправедливости, дополняемые историями о бесчинствах мигрантов, о невозможности выйти на улицу из-за сексуальных домогательств и прочем.

Все это – крайне важный фактор стабильности существующей в России политической системы. Враги, стремящиеся уничтожить Святую Русь, избавляют власть от необходимости отвечать на неприятные вопросы о пенсиях, здравоохранении и уровне жизни, да и от самих таких вопросов – не до подобных мелочей, когда враг у ворот. Кроме того, власть получает моральное обоснование своих действий. Легенда, например, о запрете говорить по-русски в Украине, о зверствах «украинских фашистов», о геноциде русских в Крыму и на Донбассе делает действия Российской Федерации в этих регионах не агрессией, а спасением братьев-соотечественников.

У лжи относительно различных войн давняя традиция. В 1968 говорилось о готовности войск НАТО оккупировать Чехословакию – в это тогда поверили довольно многие. Да и разрушительная по своим последствиям война в Афганистане тоже оправдывалась официальной ложью о предотвращенной нами интервенцией американцев и поощряемыми властями слухами о несметных, якобы залежах золота в афганских горах – это несуществующее золото предавало войне хоть какой-то смысл.

Вряд ли многие российские подданные полностью разделяют такую картину мира. Но ее частичное принятие очень распространено. Эта ситуация напоминает наркоманию. Ведь наркоман – это человек, неспособный жить в реальном мире, который для него чужд и часто непереносимо жесток. Но с принятием дозы мир меняется – становится дружелюбным и комфортным, а сам наркоман в этом новом мире обретает, наконец, счастье. Конечно, при этом он движется к скорой и мучительной смерти, но не понимает этого, а часто, что еще страшнее, просто не желает понимать. Поэтому наша политико-психологическая ситуация не сводится к злой деятельности пропаганды – российские пропагандисты работают в полном согласии с объектами своего воздействия. Так наркоман покупает наркотики добровольно, а в случае ареста своего продавца не отказывается от них, а начинает искать другого дилера. Наша общество сегодня не просто охотно воспринимает государственную ложь, но и готово к принятию лжи грядущей, которая может оказаться еще более варварской.

Власти не только обманывают народ, но, кажется, сами начинают верить в свою ложь. В выступлениях президента периодически прорываются эмоционально насыщенные фразы, позволяющие предположить, что он не просто манипулирует фактами, но действительно верит, что США стремятся расчленивать и покорить Россию. Опыт общения автора этих строк с высокопоставленными российскими чиновниками, также, говорит о том, что многие из них склонны верить собственной пропаганде. А не так давно в Государственной Думе было организовано выступление некой девушки, которая была представлена депутатам как видеоблогер с десятью миллионами подписчиков (на самом деле у нее их на несколько порядков меньше – хорошо, если несколько тысяч). В своей речи девушка заявила вполне лоялистскую позицию, после чего многие депутаты пришли

к выводу, что Интернет, на самом деле, не против системы, как они раньше думали, а полностью поддерживает власть. Важно здесь то, что в данном случае политическая элита страны предприняла целенаправленные действия по оболваниванию самой себя.

Вера властей в собственную ложь представляется весьма опасной – человек, не отдающий себя отчета в том, где он находится, будет совершать ошибки, но если он вооружен – а власть вооружена – то его ошибки могут приводить к трагическим последствиям.

Осознанный курс властей на искажение реальности ведет к общему антиинтеллектуальному и антинаучному тренду. Власти последовательно разрушают Академию Наук, в которой при всех ее недостатках были, все-таки, настоящие ученые, поставив во главе российской науки людей некомпетентных и чуждых научным ценностям и научной картине мира. Министерством просвещения, т.е. школами, управляют откровенные мракобесы. Президент Академии образования предлагает ввести в школах обучение церковно-славянскому, а депутаты – сократить число часов на иностранные языки. Телевидение распространяет дикие суеверия – маги и чародеи являются постоянными участниками и героями телепередач. А недавно по одному из главных телевизионных каналов демонстрировался шестидесятиминутный фильм о том, что земля плоская, причем, автор этой программы не подвергся остракизму профессионального сообщества, но, наоборот, получил самую престижную телевизионную премию России. Наука, образование и сами образованные люди оказываются чужими в своей стране.

Вот с этим всем и должна бороться интеллигенция – больше никому. Причем, положение сегодня более серьезно, чем то, какое было при советской власти, когда естественной задачей интеллигенции было разоблачение лжи коммунистической идеологии и пропаганды и лицемерия политических практик. Тогда в базовые коммунистические идеи мало, кто верил, а уж государство и его персонификаторы и вовсе не пользовались авторитетом. Сейчас же в предлагаемую властями сумбурную, слабоструктурированную картину мира верят многие.

Конечно, сегодняшние иллюзии, как, собственно, и любые заблуждения, и стереотипы, глубоко функциональны – Фрейд говорил, что люди не нуждаются в истине, но не могут жить без иллюзий. Иллюзии обеспечивают желаемый субъектом образ реальности. Поэтому любая информация, эти иллюзии разрушающая, сталкивается с сильнейшим психологическим сопротивлением. Правдивая информация о положении страны, о ее взаимоотношениях с внешним миром, о ее истории вполне доступна – есть качественные книги, есть достойные спикеры, есть Интернет. Но люди не хотят эту информацию потреблять – она нарушает сложившийся когнитивный баланс и ставит под угрозу национальную самооценку. Поэтому каждый, пытающийся заниматься просвещением в социальной-экономической, исторической или политической сферах, немедленно становится не только объектом пропагандистского, а иногда и административного воздействия – попытками его личной дискредитации, увольнением с работы и т.д., но и сталкивается с искренней враждебностью значительного процента своей аудитории. Ситуация в истории человечества не новая, но требующая от современного русского интеллигента, как и от его предшественника в прошлом, мужества и самоотверженности.

Рассмотрим те основные мифы и иллюзии, которые должна опровергать сегодня русская интеллигенция.

Образ страны

Пожалуй, наиболее искаженным конструктом из тех, которые составляют картину мира, стал в последние годы образ страны. В сознании граждан сложилась абсолютно нереалистичная картина, согласно которой Россия всегда побеждала, вела только справедливые оборонительные войны, всегда была на стороне добра и справедливости, никогда не совершала никаких преступлений. А если и совершала, то они по своим масштабам несравнимы с теми, которые в то же время совершали другие страны, причем, не вынужденно, как мы, защищаясь от врагов, а в силу имманентно им присущей злонамеренности. В сегодняшней картине мира пакт Молотова-Риббентропа был морально оправдан, Польшу и Балтийские государства мы не захватывали, а освободили, в Катыни никого не убивали, заградотрядов не было вовсе, а сталинский террор был направлен исключительно против врагов страны, причем, масштабы его многократно преувеличены людьми, ненавидящими Россию. Список этот можно продолжать бесконечно.

Проблема, конечно, не в отсутствии правдивой информации. Многие преступления коммунистического режима – та же сделка с Гитлером или зверства НКВД – были преданы гласности и осуждены еще во времена СССР. Причина в том, что за последние годы произошла нравственная деградация значительной части населения, когда стерлись различия между Добром и Злом, когда убийства невиновных, например, становятся оправданным, если они ведут к росту ВВП (на самом деле, не ведут, но многие люди думают иначе!).

Страна демонстрирует абсолютно инфантильный паттерн отношения к самой себе – я хорошая, значит, я не совершала ничего плохого. Но на индивидуальном уровне осознание собственных грехов – необходимое условие личностного роста, а также и того, чтобы позорящие тебя в собственных глазах поступки не повторять. Более того, память о подобных моментах не мешает высокой самооценке взрослого человека, хотя бы потому, что он понимает, что безгрешных людей не бывает, и важно не только то, что ты когда-то совершил, но не в меньшей мере и то, какие выводы ты из этого сделал и как ведешь себя сейчас.

То же самое и на уровне стран или гражданских наций. Память о преступлениях нацистов, сохранение этой памяти – музеи, например, на месте концлагерей или памятники сожженным книгам в центре Берлина – отнюдь не перечеркивает уважение немцев к собственной стране, но страхует от возвращения в осознанное и осужденное прошлое. У нас же работа памяти была прервана в самом начале – граждане воспринимают любой разговор о преступлениях, совершенных когда-то государством, как обвинение себе лично, а потому отвергают эту информацию, а заодно воспринимают в качестве врага каждого, кто ее распространяет.

Императивная задача русской интеллигенции сегодня – продолжение той работы по разоблачению преступлений коммунистической системы, которая была начата еще при Хрущеве. Пока тот кошмар не осознан, причем, не формально, на уровне каких-то ничего не значащих заявлений, а по сути, пока, например, сами названия ЧК, НКВД и прочее не станут столь же пугающими и отвратительными, как СС и гестапо, страна не выздоровеет, как не выздоравливает невротик до момента осознания своей травмы.

Кто виноват?

Привычный уже поиск врагов и обвинение во всех бедах России внешних сил не просто комичны. Представление о стране как об объекте ненависти всего, практически, мира и жертве многочисленных недоброжелателей формирует весьма специфическое мироощущение.

Во-первых, если проблемы не являются следствием собственных ошибок, а созданы врагами, то страна с высокой степенью вероятности и не может их исправить иначе, как уничтожением этих врагов. Война с их постоянно расширяющимся множеством предстает в результате неизбежной, оборонительной и морально оправданной. Такое ощущение, кстати, было весьма распространено в первые годы советской власти и служило обоснованием милитаризации экономики и всей жизни СССР.

Разумеется, идею собственной ответственности нельзя абсолютизировать. Постороннее воздействие на конкретного человека или даже на страну, в целом, может быть предельно деструктивным. Грабитель на улице или агрессор, начавший захватническую войну, наносит ущерб, который не может быть полностью отнесен к ошибкам жертвы – не подготовилась, была недостаточно осторожной и т.д. Но даже в этих крайних случаях более конструктивным представляется концентрация внимания на собственной ответственности за происшедшее, хотя бы для того, чтобы не допустить повторения этой ситуации. Современная же общественная практика в России прямо противоположна – окружающий мир обвиняется и в том, за что он отвечать никак не может, а ответственность руководства и самих граждан всячески выводится из поля зрения. Конечно, эффективность такой пропаганды не стопроцентная – недаром появилось столько шуток об Обаме, который повысил цены на продукты в наших магазинах, развел грязь в подъездах наших домов и не позволил поднять пенсии. Однако, в целом, своеобразный внешний локус контроля проблем страны представляется прочно укоренившимся.

Во-вторых, представление о стране как о жертве, тормозит формирование гражданской позиции по самому широкому кругу вопросов и гражданского общества, в целом. Навязываемое ощущение беспомощности, страдательная позиция предполагают не поиск решений, которые ты, самостоятельно или во взаимодействии с другими, можешь претворить в жизнь, а ожидание помощи и защиты от более сильных субъектов. В наших условиях – от государства. И даже если неэффективность, индифферентность или даже враждебность государства формируют политический протест, патерналистская, в целом, позиция сохраняется.

Среди мифов о внешних причинах того, что произошло и происходит с нашей страной, центральное место занимает представление о распаде Советского Союза как следствии целенаправленных действий Запада и/или предательства элит, прежде всего, Горбачева. («Предательство» – это, конечно, тоже вариант внешнего влияния – «предатель» действует по заданию внешних сил). Такое представление полностью исключает даже попытку анализа того, как и почему СССР пришел к краху, а главное, не позволяет видеть, как те же явления, которые привели к распаду того государства, возрождаются в государстве сегодняшнем.

Разоблачение этого и других мифов о России как жертве враждебного ей мира – не просто опровержение ложных представлений о мире и возвращение к восприятию реальности такой, какая она есть. Это удар по одному из системообразующих моментов нынешней системы пропаганды.

Особый путь особого народа

Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется. Ироническая фраза Тютчева о том, что умом Россию не понять, уже не одно поколение произносится с тем самым «чувством законной гордости» из советского анекдота о шестом чувстве советского человека, столь знакомым нам по брежневским временам.

Видеть или воображать свои отличия от других, свою уникальность естественно. Черт, как всегда, в деталях.

Сегодняшняя официальная версия состоит в том, что отличия русских и России от всех остальных состоят в ориентации, прежде всего, не на материальные ценности, а на духовные. Причем сама система ценностей настоящего русского человека, к которому, в принципе, могут примыкать и россияне других этнических групп, принявших приоритет русской культуры, объявляется резко отличной от западной. Но эти отличия никогда не конкретизируются – в чем они состоят, понять довольно трудно. Собственно, как трудно понять и что такое духовность, соборность и прочие необходимые составляющие российской уникальности.

Одно из немногих четко декларируемых отличий русских от всех остальных – особое отношение к государству, которое по многочисленным заявлениям идеологов русской особенности для русского человека – т.е. того русского, который имеет права считаться русским не только по происхождению, но и по духу – важнее свободы и даже жизни. Именно это отношение к государству, выходящее на первый план в момент внешней или внутренней угрозы России, якобы, и объединяет многочисленных русских в единый русский народ.

Бессмысленно спорить об обоснованности такого рода конструктов. Они не подтверждаются ни исследованиями, ни практикой, противоречат повседневному поведению подавляющего большинства русских и других россиян, которые, разумеется, ведут себя, как заметил Маслоу относительно, правда, не русских, а индийцев, сначала как люди, а потом уже как россияне. Но ведь идеологи этого направления говорят не столько о сущном, сколько о должном, желаемом, или, с их точки зрения, правильном. И иногда люди верят, что они именно такие или должны быть такими, как им говорят.

Но возникает ряд вопросов. Допустим подлинный русский человек, действительно, кардинально отличается от человека западного. Например, презрением к материальным благам, к деньгам, которые на Западе, как постоянно говорят по телевизору, единственный Бог, а для нас – нечто не слишком важное. Следует ли из этого, что русскому человеку не обязательно платить справедливую зарплату за его труд, что социалистическая практика работы за бесплатно, за трудодни, например, отражает ментальность русского народа? Или если земля для русского человека – мать и не может поэтому быть предметом купли-продажи, то следует ли из этого, что страна должна пойти на те экономические потери, которые будут связаны с не включенностью земли в нормальный рыночный оборот? Иными словами, какую цену страна и люди должны платить за свою особость?

Дело даже не в том, что на эти вопросы не дается ответа и что они вообще не ставятся. Важнее, что идеологи особенности не предполагают добровольности соответствия или не соответствия конкретного человека декларируемому канону. Если бы подобно

добровольному церковному налогу, как в некоторых странах Европы, людям бы предлагалось после получения справедливого вознаграждения за свой труд передавать его львиную долю на нужды государства, Церкви, поддержки ДНР-ЛНР или что-то еще, это был бы осознанный выбор. А так канон предполагает не просто странную систему приоритетов, но и отказ от естественного права выбирать, каким именно русским или россиянином, «правильным» или «не правильным», ты хочешь быть, бороться за естественные, гарантированные тебе законом права. Принадлежность к России или русскому народу, как бы, автоматически предопределяет все в человеке, не предполагая никакой индивидуальности в чем-либо существенном, делая все отличия от придуманного кем-то – людьми, которые сами себя назначили на эту роль – эталона патологией или предательством.

В современной российской идеологии национально-культурные особенности – не орнамент, обрамляющий содержание, а сама картина. Фактически, декларируется, что раз русский народ обладает спецификой по отношению к другим народам, то и экономика, и политическая система тоже должны быть национально-специфичными. И хотя официальная власть продолжает произносить мантры о демократии, реальная идеология, а вовсе не только политическая практика, уже давно объявила разделение властей ненужными России иностранными выдумками, отказалась от уважения прав меньшинств и свела выборы в лучшем случае к плебисциту.

Эта идеология в значительной степени апеллирует к православию. Ее сторонники предпочитают говорить именно о православии, а не о христианстве, подчеркивая не просто различия между Восточным и Западным христианством, но и пропасть между ними и, разумеется, нравственное превосходство Русской Православной Церкви не только над католиками и протестантами, но и над другими православными церквями. Без всяких к тому фактических оснований диктатура и несправедливость объявляются выражением православного духа, той самой симфонией властей, к которой так стремится РПЦ.

Исторические и религиозные основания ищутся и в популярной среди ряда интеллектуалов России идеи особого русского либерализма и особой русской свободы. Пренебрежение правами человека и/или отдельных групп, приоритет интересов государства, а фактически – правящей бюрократии, над интересами и благополучием граждан объявляются не отступлением от достижений человеческой цивилизации, а проявлением русской души и своеобразной эманацией русской цивилизации.

В системе русской личности важную роль играет представление о природе власти. Идея ее выборности до сих пор чужда многим гражданам России. Они еще понимают референдум о доверии, когда у человека есть возможность одобрить или не одобрить действия руководства, но не представляют себе всерьез, как можно решать, кого из кандидатов наделять властными полномочиями? Лидер в сложившейся системе ценностей не выборная фигура, не победитель в процессе честной конкуренции, а персонификация народного духа, *the most of us*, если обращаться к классике психологии лидерства. Во главе страны должен быть не президент – избранный наемный менеджер, а самим Богом данный вождь, которого невозможно не только избирать, но и менять. Самое удивительное, что о сегодняшнем президенте как о выразителе лучших черт русского народа и фигуре принципиально несменяемой, как о вожде стали уже, не стесняясь явной архаичности таких утверждений, говорить в российских СМИ его сторонники из числа политической элиты.

Русская интеллигенция традиционно придерживалась универсалистских взглядов, признавая, что на территории России действуют не только те же, что и везде, законы

физики, но и общие для всего мира социально-экономические закономерности. В двадцатом веке эта точка зрения получила довольно широкое подтверждение – несмотря на огромные различия в культуре и истории разных стран, внедрение сходных институтов и практик приводит к сходным результатам. Частная собственность, политическая конкуренция и разделение властей хоть и не являются достаточным условием высокого качества жизни, везде предстают условием необходимым – без них страны обрекают себя на нищету и, часто, кровь.

Русским интеллигентам нет места в «особой» стране. Поэтому не только в интересах России и ее народа, но и в своих собственных интересах они должны бороться с идеей абсолютизации личности, будь то культурной или конфессиональной. Должны доказывать и объяснять, что Россия, как говорила Екатерина Вторая, «суть европейская держава» и ей следует двигаться по тому же пути, по которому идет вся развитая часть человечества.

Моральное сопротивление

Ночной кошмар российских властей, их «Камера 101» – цветная революция. Явление, которое они обозначают этим термином, носит неидеологический характер. Это не борьба левых с правыми или националистов с либералами. На площади Тахрир в Каире, на киевском Майдане или с обеих сторон Берлинской Стены в 1989 были люди самых разных политических убеждений. То же и у нас. Автор этих строк, например, в дни ГКЧП познакомился у Белого Дома с активистом общества «Память», который вместе со всеми ждал штурма. Мы были с ним по одну сторону баррикад! Цветные революции – если уж использовать этот термин – это конфликт власти с народом или с его активной, сознательной частью по моральным, прежде всего, вопросам. С какого-то момента люди не хотят больше мириться с ложью, с лицемерием, с высокомерием начальства, с феодальным презрением к черни. На Болотную площадь выходили не для того, чтобы пересчетом голосов добиться нескольких лишних мест для КПРФ или Справедливой России – наплевать всем было на то, сколько у них мест. Люди не хотели соглашаться с тем, что им лгут, объявляют очевидно фиктивные результаты, что их не считают за людей. И украинцы не случайно назвали свою революцию Революцией Достоинства. Нежелание смириться с унижением, ощущение «Достали!» объединяет лучше любой идеологии. И лучше любого лидера.

Опасность такого морального протеста для власти не только в том, что он обладает огромной сплачивающей силой. Более важно, что его, практически, невозможно победить обычными политическими методами. Доверие потеряно, доводы, даже и разумные, услышаны не будут. И если протесты и моральное отторжение системы, действительно, становятся столь массовыми, что заслуживают названия «революция», то единственный аргумент власти – сила. Водометы, пули и тюрьма могут загасить протест. Иногда – надолго. Но, как показывает опыт, не навсегда.

Поэтому власть в России довольно спокойно относится к собственно политическому протесту. Беспрепятственно пишутся и обсуждаются, например, различные программы экономических или даже политических преобразований. Ведь программы, пока действует запрет на смену власти, практического значения не имеют – какая разница, что ты будешь делать с налогами, став президентом, когда ты им не станешь? Поэтому и граждан эти программы, даже и самые проработанные, не интересуют, а их авторы не имеют шансов на популярность и авторитет. Но люди охотно отзываются на обещание, что при новой власти будет иначе – без лицемерия и лжи.

Собственно, именно это, а вовсе не частную собственность или отмену монополии внешней торговли обещали нам всем грандиозные митинги конца восьмидесятых – начала девяностых. Под давлением именно морального неприятия пал сейчас режим президента Саргсяна в Армении. За это, а вовсе не за неизвестные большинству пункты его программы выходит сегодня молодежь по призыву Навального.

Крайне высокими становятся в этой ситуации именно моральные требования к оппозиционерам. Люди хотят, чтобы злу противостояло добро, лжи – правда, шантажу и угрозам – смелость. Понимая это, система почти не обращает внимания на слабости и нестыковки программных документов оппозиции – об этом спорят лишь сами оппозиционеры. Вместо этого пропагандистская машина занята делом значительно более важным – личной дискредитации лидеров протеста. Постоянно рассказывается об украденных ими несметных деньгах, о том, что они находятся на содержании западных разведок, которые, собственно, протест и финансируют, по федеральному телевидению демонстрируется секс популярных политиков с любовницами. Интересно, что в последнем случае никого не волнует, что записи, очевидно, сделаны незаконно и не любителями, а спецслужбами. Эффективность этой работы не абсолютна. К Навальному, например, так и не «прилипли» обвинения в воровстве – образ честного человека, живущего в скромной квартире в небогатом районе города, поколебать не удалось. Но образу некоторых политиков пропагандистам удалось нанести непоправимый ущерб – нехватку смелости или честности нельзя в наших условиях компенсировать никакой, даже самой правильной с точки зрения сторонников, позицией.

В этом смысле ситуация напоминает ту, которая была в брежневском СССР. Сахаров стал тем, кем он стал для нас не потому, что написал некоторое количество текстов, а потому, что продемонстрировал свою готовность пожертвовать свободой и жизнью ради того, во что верил. Сила диссидентов была не в том, что они сообщали что-то новое, а в том, что они не боялись.

В сегодняшнюю Россию страх вернулся. То ли видя судебный произвол, то ли просто в силу традиций, многие, в том числе и интеллигенты, снова стали бояться высказываться публично. И страх становится не менее важной опорой системы, чем ложь. Страх стоит на ощущении, что бояться все, что никто не решается нарушать не очень четко очерченные запреты. Поэтому демонстрация бесстрашия – естественная задача русской интеллигенции. Это необходимо и стране, и самой интеллигенции для ее психологического выживания.

Причем, в большинстве случаев эта демонстрация не требует ни героизма, ни даже выхода на площадь. Достаточно в СМИ, если есть такая возможность, или просто на людях сказать то, что в глубине души известно почти всем. Например, о коррупции, о лицемерии, об аморальности войны в Украине или о потерях в Сирии. Ценность этого высказывания не в том, что сообщается что-то новое – все, в общем, известно – а в том, что люди видят, что запреты – этого своего рода линия флажков, никем не охраняемая и непреодолимая лишь в нашем сознании.

Даже многие законы принимаются не для того, чтобы добиться от граждан соответствующего поведения, а для того, чтобы боялись. Правоприменение по ним, практически, невозможно или политически затратно для властей. Так, в 2014 году был принят закон, в соответствии с которым приравнивание деяний сталинских карательных войск к соответствующим действиям гитлеровских объявлялось преступлением и каралось тюремным заключением от трех до пяти лет. На следующий день после вступления этого закона в силу автор этих строк опубликовал статью, в которой подробно

излагалась именно та позиция, за которую новый закон сулил репрессалии. Текст заканчивался призывом открыть уголовное дело и надеждой на встречу с оппонентами в суде. Не произошло ничего, хотя нарушение закона было демонстративным и публичным. Власти приняли политическое решение – при отсутствии независимости суда это возможно – не обращать внимания. Потери от публичного процесса для них явно превышали возможные выгоды.

Разумеется, далеко не всегда подобного рода действия заканчиваются благополучно, последствия никогда нельзя предсказать заранее. Однако каждый успешный шаг такого рода снижает уровень страха в стране. И это долг интеллигенции.

У публичного морального противостояния есть еще две задачи. В сказке о голом короле самое страшное не то, что часть его подданных по прагматическим соображениям делали вид, что соглашаются с государственной ложью. Действительно ужасно, что кто-то под давлением пропаганды на самом деле видел его новое платье. Сегодняшние русские интеллигенты должны делать то, что сделал ребенок из сказки – говорить, что король голый. Тогда это увидят те, кто поверил в его новые одежды. Ну а те, кто и так понимал, что власть лжет, и никакого нового платья нет, поймут, что притворяться не обязательно.

Но главная функция морального сопротивления в другом. Русским интеллигентам, особенно живущим в условиях информационной изоляции, в провинции, например, каждый день внушают, что они остались одни. Вся страна уже давно в едином строю, а ты скажи спасибо, что в тюрьму не сажают, дают дышать. И этим людям жить в современной России крайне трудно. Когда же такой человек слышит свои, в общем мысли, но из уст кого-то другого, особенно, если удастся, с экрана телевизора, он понимает, что он не один, а значит, не все еще потеряно.

Сохранение интеллигенции как императив

Можно спорить по поводу того, нужна ли и, соответственно, сохранится ли интеллигенция в условиях демократической России, если таковая когда-нибудь возникнет? Но представляется очевидным, что без интеллигенции не осуществится сам переход к европейскому типу общества.

Существующая сегодня в России система не вечна. Хотя бы потому, что персоналистский режим неизбежно претерпевает кардинальные изменения при уходе первого лица, будь то по естественным причинам или в результате революции, или переворота. Но направление этих изменений напрямую зависят от того, будет ли на этот момент в стране достаточное число людей, которые смогут удержать новых лидеров в рамках границ гуманности, противопоставить прагматике или, точнее, дополнить прагматику определенной системой ценностей. Не имея нравственной оппозиции – политическая, скорее всего, будет – новые власти могут при самых благих намерениях установить в стране режим, бесконечно далекий от европейских принципов. Если к началу периода транзита все интеллигенты уедут, сопьются или впадут в депрессию, страна вновь упустит шанс. Многие сегодня сравнивают Россию с Италией времен Муссолини. Задача в том, чтобы на место Муссолини не пришел Гитлер.

Собственно, нравственное оппонирование различным преобразовательным проектам необходимо и сейчас, когда до реальных изменений еще далеко. Иначе это отразится не только на самих поставократических преобразованиях, но и на их программах, а значит и на первых шагах новых властей.

Сохранению русской интеллигенции мешают, в частности, некоторые ее благородные традиции – заботиться надо о других, но не о себе. Интеллигенция охотно вступает в борьбу за права шахтеров или водителей грузовиков, но крайне редко – за свои. Интеллигенция может еще заступаться за профессора, уволенного по политическим мотивам, но никогда – за тысячи профессоров, которым на фоне постоянных обещаний роста зарплаты, на деле, ее снижают, да еще и заставляют молчать об этом. Интеллигенты организуют митинги по поводу притеснения кого угодно, но не самих себя – не было, например, ни одного протеста против безумной и бессмысленной бюрократизации университетов, унижающей преподавателей и не оставляющей им времени на профессиональную работу. Нет протестов и против возрождения «Первых отделов», контроля за зарубежными контактами ученых, против мракобесов во главе научных и образовательных учреждений и много другого.

Защита прав интеллигентов – не менее нравственно обоснованная задача, чем защита прав любых других слоев населения. Забота о себе – не менее естественна и нравственно оправдана, чем забота о других.

Интеллигенция выживет только, если будет ощущать собственную нужность, осмысленность своего пребывания в стране. Традиционное дело интеллигенции – просвещение. Сейчас оно не менее, а более необходимо, чем во многие другие периоды истории страны. Для него нет, практически, инфраструктуры (инфраструктура образовательных учреждений задачу просвещения решает, в лучшем случае, частично). Зато на него нет и прямого запрета – к просветительской деятельности власти относятся настороженно, но пока и не карают за нее. Значит, просвещением можно заниматься, не рискуя попасть под жесткие санкции государства, такие, как лишение свободы. Просвещение требует сегодня интеллектуальной смелости, готовности к противостоянию, но не самопожертвования. И на просвещение есть общественный запрос. По всей России проходят тысячи лекций и семинаров, на которых совершенно бесплатно выступают и местные специалисты, и приезжие из столиц. Число слушателей измеряется сотнями тысяч, если не миллионами. Продолжение и развитие этой практики дело не менее важное, чем благотворительность или политическая борьба. И это то, без чего русская интеллигенция исчезнет, раствориться в новых практиках и уже никогда не возникнет вновь.

Личные риски

И в завершение – чем рискует живущий сегодня в России русский интеллигент, если стремится выполнять свою миссию?

Риски есть. Власть не стесняется использовать против своих оппонентов карманные суды – словосочетание «Басманное правосудие» не зря стало нарицательным. В распоряжении властей полиция, Росгвардия и прочие, которые и так-то готовы использовать силу против граждан, а уж по приказу делают это и вовсе с энтузиазмом. Наконец, есть бандиты – либо слегка замаскированные под казаков или православных активистов, либо просто бандиты без всякой маскировки.

Власть не ограничена ни моралью, ни законом – она над моралью и законом. Она, правда, ограничена прагматическими соображениями, например, пониманием экономической нецелесообразности массовых репрессий или социальной – закрытия границ. Но против конкретных оппонентов может быть совершено, что угодно.

Нет доказательств того, что убийства Немцова, Политковской, Эстемировой и многих, к сожалению, других были совершены по приказу властей. Но от пуль убийц погибают почему-то именно оппоненты режима. Следствие, при этом, часто превращается в фарс – организатором убийства Немцова, например, объявлен водитель(!) заместителя командира батальона чеченского ОМОН, а его начальников даже не стали допрашивать. Сами преступления совершаются подчеркнуто демонстративно – самый яркий пример, опять же, убийство Немцова, совершенное в двух шагах от Кремля. При всем уважении к презумпции невиновности, неизбежно возникают подозрения относительно людей с самого «верха».

Но убийства – это, по крайней мере, пока, акт экстраординарный. Что происходит на более массовом уровне репрессий?

Интеллигенция не является для власти врагом номер один. На этом месте те политики или политические организации, которым удастся выводить на улицы большое число людей, пугая руководство страны призраком цветной революции. Организаторов сажают на 15-30 суток, время от времени избивают. Иногда берут заложников – сажают кого-то из членов семьи. Кроме того, сажают рядовых участников. Здесь уже могут дать и три-четыре года, причем, жертвы выбираются чисто случайно, вплоть до людей, которые и не участвовали в манифестации, а просто проходили мимо. Задача – посеять страх, заставить людей понять, что участие даже в самом мирном протесте может закончиться тюрьмой или физическим насилием, вне зависимости от того, нарушал ли ты какие-либо запреты.

На втором месте в списке врагов журналисты. Не все, разумеется, а лучшие. Их запугивают, на них нападают (обычно, без членовредительства, хотя бывает по-разному – к более жестким последствиям приводит не идеологическое противостояние федеральным властям, а конфликт с криминализированным начальством на местах), их выдавливают из страны. Власть справедливо полагает, что те же тексты, но написанные на Западе, когда автору уже не грозит опасность, оказывают куда меньшее воздействие.

Убийств, тюрьмы или избиений просто за высказывание моральной оценки или за неприятный, или обидный для властей анализ ситуации пока, относительно, немного. За это, скорее, уволят с работы, создадут проблемы твоим родственникам, проведут «профилактическую беседу», т.е. попытаются запугать. Но, в целом, традиционная интеллигентская активность менее опасна, чем уличный протест. Так автору этих строк при задержании на несанкционированном митинге сломали руку, а жесткие статьи и публичные высказывания закончились всего лишь потерей работы и закрытыми, практически, возможностями преподавания.

В общем, риск, конечно, есть. Но не такой, чтобы сдаваться.

* * *

Приятно принадлежать к чему-то настолько сложному, что его даже невозможно определить словами. Я про русскую интеллигенцию – лучшее, по-моему, из того, что было рождено русской культурой.

Трудно сказать, выживет ли она и многие ли из тех, кто идентифицируют себя с ней сегодня, сохраняют ощущение принадлежности к ней? Но можно быть уверенным, что ее сохранение как уникального социального слоя – необходимое условие выживания страны.